

О превратностях неразделённой любви, или Женщина всегда права

(с фарси)

Ф. М.

Беллерофонт, внук Сизифа, сын Главка,
Тоже ведь от богоравной Антейи,
Пройта супруги, навет в отмщенье
за нелюбовь потерпел.

Тут-то и завязалась планида:
Пламя Химеры, уздечка Пегаса,
Сон об Олимпе, безумье... И так он
сделался Беллерофонт.

В это же самое время Иосиф,
Иакова любящий и любимый
Отпрыск, был братьями в рабство запродан;
всё бы оно ничего —
Только в Египте, в доме Потифара
Сделавшись ключником, стал он и жертвой
Хищной хозяйки, чьё имя нам время
не сохранило, увы.

И не тем, что, как в детстве из лука,
настреляться я так и не смог,
что не лёг, как отцова наука
учит нас — головой на восток.

А — что вместо просторного гроба
я лишь кожей обёрнут сырой,
как какой сарацин, и природа
с пятиста меня давит сторон.

Мне другое обещано было:
как-то крестный мой Скарабей
на Покров говорил, что *могилой*
мне воздастся по вере моей.

Я не больно-то верую в Бога
как радетеля мёртвых. Кабы
всё исчезло — ан вона как бойко
без меня продолжается быть.

.....

Я сквозь ситечко вижу коренья;
крышки нету, всеяден песок...
Так лежу, словно умер. Но время —
как и раньше — летит на Восток.

АНАБАСИС

(из Ксенофонта)

Из всех щелей в армянских варварских землях
лезет — прёт! — наших лучших лучников, пращников
ослепившее напоследок хлопчато-белесое семя,
набившееся под седла, за ворот, за щеку...

И только я один, похоже, знаю наверное:
снег — это та же евксинская сцифомедуза,
испарённая солнцем аврелия обыкновенная...
Ни один еще грека не убежал ее заливного укуса;

ни один водевиль не ограничился водными упражнениями...
Значит, скоро — Талласса, корабли, итаки, иолки.
Восхождение к морю займёт по соседству с Плутархом не менее
девяти локтей прошитой бумаги на чьей-нибудь полке,

обладатель которой отрастит себе длинные ногти,
будет грызть заусенцы, лысеть поминутно, пить только зелёный
чай, спиртовой настой на ежевнике, «Балтику-тройку»...
и ещё креплённый мускат; отречётся однажды от рифм,
а затем и вовсе обратится к свободно текущей прозе, иногда на-
зывая её верлибром и растворяя в ней гранулы памяти; уедет по
найму, разделит с чужим народом язык, следом и веру, но с годами
начнёт прислушиваться по ночам к неторопливому течению, вы-
стукивающему изнутри перстом, точно сельский табиб¹ — в районе
запястий и головных полюсов, — различать в этом потоке как бы
тирольский глас муэдзина, шум высокородных ручьёв, запах приби-
той из ведра пыли по вечерам над туземной частью родного города
и ещё — аромат мускусной мечети, если дождь... И наконец возвра-
щаясь (ведь это теперь не кажется столь невозможным), преодолев

¹Врач, целитель.

бескрайнюю степь, будет плакать при виде арыков и солончаков, или этих трижды три нами проклятых гор, но других, притворившихся облачной нарастаявшей массой, обозримой отвсюду, особенно там, где

уже близок (вот-вот...), он сойдёт без вещей и отправится
налегке, — это будет не наш, это будет его, *это будет его* —
цветущий оазис
(ишь ты!)
Анабасис.

13 ДЕКАБРЯ 2003 ГОДА

Максуду, Галибу, Даврону

А я ведь помнил, я ведь знал,
Что трут с кресалом на исходе.
Что шестикрылый Ювенал
Как жест отсутствует в природе.

Нет ни трудов уже, ни дней
Для уточнения: третий — в баре.
И с высоты такой видней
Исход чучмы и Тройной брани.

Там хоры женщин ли, детей
Над сокрушённым взвились телом,
Чей путь и эллин, и удей
Привыкли знать своим пределом.

И незачем буравить кровь
Настурциями тяжб и жалоб:
Из наших родин, жен, стихов —
Кому там что принадлежало.

Кто он, четвёртый, кто меж нас
В том смысле волен и неточен,
Что раскавычил ложе сна,
Как будто запад развосточил;

Нам триста лет — или душа
Замрет на «мене-текел-перес»,
И — прочь, обрিতая, как шар,
Насквозь отправится и *через*.

Обживаю письмом эту *кафель*,
Корь паркета, балконную дверь,
Сонно вдавшуюся под кайфом
Чередой пропотевших ветвей.

Это сколько ж ещё насвая²
Тёмной речи из-под языка
Станет костью и мясом, пока
Я у летнего камелька
Новый адрес письмом обживаю...

— Дом, — пишу, — сколько крошек в постели!.. —
Сам на люстру кошусь. — Накажи:
Как делить твои призраки с теми,
Кто здесь жил, когда я здесь не жил?

²Насвай — подобие табака, закладываемого под язык.

Много ль твари живой из глины —
Я намо́ю — ночных часов,
Прежде чем под шушуканье швов
На обоях проступят маслины
Моих собственных мертвецов?..

О поисках минарета, источающего мускус, добытый из брюшной мошны кабарги, и о том, чем эти поиски увенчались

Пробуждаться под утро, ступай! — говорить сыновью, —
там, на кухне, стакан молока, крендельки и галеты...
И — назад, к своим овцам, в нежнейшую пыль, в колею
наступая, как в винные ягоды, путь к минарету,

в чей кирпичный раствор пряный мускус замешан, держа:
ориентируясь только на дух кабарги в носоглотке,
то и дело с полёта сбиваясь на вкрадчивый шаг,
извлекая конклав муляжей из наплечной коробки;

слепки запахов, словно посмертную славу домов,
рассыпая, кроша в виде пижмо-шалфеевой пашни,
ароматом воскресных какао-кофейных дремот
насыщая песок, то и дело о мускусной башне

закипая, как будто и нет на земле ничего,
что сравнилось бы с ней высотой и сиянием блесным, —
точно Книга, какую ни перст, ни уста, ни чело
не коснутся иначе, как перед Престолом Небесным...

Слух листвы усыпляя и бог канареечных сил
приводя, что глухой такелаж к осьмиструнной присяге —
как цитату об одушевленности кормчих светил,
чья душа невозможна без дыма и внутренней тяги;

потому что поющая смерть распашонка-оса
щетиной вдохновенья верней убивает, чем жалом.
Проецируя каждый свой жест или звук в небеса —
разве можно метель не пожать, не разжиться пожаром?!

Тут и псына зарыта: меняя ферзя на коня,
принося пустоту — невесомости, путая карты
неразумным чтецам, с фонарём среди белого дня
различая меж букв черепка светлячок Мараканды..

Так и есть. Всё — ничто. Кроме башни и этих значков,
коронующих слух (Мар-рака...), вспоминающих... Где же
Ты воздвиг её, Господи? дай по усам светляков
угадать... Погоди. Ну, конечно же (нет?): в Марракеше!..

.....

Пробуждаться под вечер и к сумрачному декабрю
прижиматься всем летом, всем ливнем, всем шучьим хотеньем.
Говорить: я люблю тебя — вместо: тебя
я люблю;
и узор на руке выдувать ли, круги на воде ли...

Ах, зачем же, зачем этим Садам,
этим липким стволем я вспоён? —
когда куколем Ночь волосатым
свой взыскует обратно заём:

«Я тебя породила из лавы,
чтобы ярче светился контраст:
чем ты в вышние-дольние планы
не вошёл — и к чему был горазд.

Видишь, ты, как и всё, остываешь? —
значит, тело твоё и душа
суть одно; и наутро не сварешь
чай, в золе кочергой шебурша...»

Вижу. Только зачем же (столь малым
словарём!) — этот стих, погляди:
как на голос птенцам голодалым —
белый сок потаённым каналом
на вершину восходит груди?..

ВКУС УКРОПА

Рассматривая Сад на свет,
монгол, ровесник Зороастра, —
что было, чего нет, и сверх
того — что на экране красным

подчёркнуто (а лучше бы
и вовсе вычеркнуть к лишаю!), —
я дни срезаю, как грибы,
и ничего не исключаю.

Вот лучшая из дочерей
земли на мешковине кротко
сидит: в изножье сельдерей,
райхон и венчики укропа.

Мне веет запахом страны,
куда плыву, но не причалю,
где сны светлы, глаза черны —
я ничего не исключаю —

а воздух зелен, как река,
и разветвлён, как слух растенья,
и испещрён, как мотылька
полёт упругим средостеньем.

Мне эта девочка лицом
напомнит многие печали
и сны. Потом... А что — потом?
Я ничего не исключаю.

На свет рассматривая ночь,
пойму: есть порох, нет порока.
Она окажется мне дочь,
зачатая в Стране Укропа.

Где Улан-Батор, друг степей,
я на руках её качаю.
Сны отпускаеши... Теперь.
Как и в Начале.